

当代俄罗斯文学 多元、多样、多变

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ПЛЮРАЛИЗМ, РАЗНООБРАЗИЕ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ

水淼华

编

外语教学与研究出版社

当代俄罗斯文学

多元、多样、多变

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ПЛЮРАЛИЗМ, РАЗНООБРАЗИЕ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ**

淼华 编

外语教学与研究出版社
北京

编者的话

走近处于 20—21 世纪之交的俄罗斯文学，省察其曾经的荣耀与苦难，认知其当下的陌生与杂乱，前瞻其未来的路径与景象，这正是在北京外国语大学召开的第二届国际俄罗斯文学学术会议“20—21 世纪之交文化语境中的当代俄罗斯文学”的题旨。

应该如何准确地描绘当下的俄罗斯文学？研究者们的表述纷繁歧异，若以一言概括之，那就是，这是一个“多元、多样、多变的俄罗斯文学”，即价值观和艺术思维的多元，创作风格和形式的多样，艺术追求与写作策略的多变。莫斯科大学语文系戈鲁勃科夫教授稍作展开的隐喻式的总结可以为此一注：

“如果可以用一种自然景观的隐喻来描述，当代文学的图景乃是一片广阔无垠的平原，它一直延伸到地平线的尽头，上面长满了各种各样的花朵——远非俄罗斯后现代主义信徒，或者相反，它的质疑者们所说的，只有‘恶之花’。相反，色彩的多样简直令人难以置信，专注于无穷的恶的表现与俄罗斯文学传统的对善与美的寻觅同在。艺术的调色板丰富无比：这里既有坚持酷似真实诗学的传统现实主义美学，也有形形色色的、尝试着各种假定性形象形式、错位、扭曲的现代主义试验。在这一图景中令人称奇的一个特点是：其各种组元间几乎没有任何的相互联系。多种多样的文学现象无法形成一个体系。”

会议文集涉猎了这样几个内容板块：

其一是对世纪之交文学的宏观审视。其中包括对文学进程和文学中心主义危机的整体评价，文学中的乌托邦与反乌托邦，文学的现代性精神价值以及中国研究者对俄国新文学的应对策略等。报告者的共识是：文学进程正经历着激烈的矛盾冲突，作家正发生着社会角色和身份的转型，包括作家在内的当今俄国知识分子正经历着无所不在的困惑和无奈。

其二是对文学思潮、风格变异的具体考察。突破了传统现实主义制约的各种新文学范型的出现是一个标识性的特点。尽管一个现实主义经典写作的时代已经远去，但作为俄罗斯文学基本命脉的这一文学精神并没有断流，而对后现代主义文学更多的关注则说明：文学的、文化的后现代叙说在世纪之交的俄国已蔚成气象，占尽了风流。

其三是对具体文学样式、作家、作品的研究。大众文学与大众文化时代的到来已成为一个不争的事实，而传统因子与现代元素的融合已成为当代戏剧的一大特色，各具现代主义、后现代主义特点的作家、诗人通过他们的创作充分展现了人们所面临的人性困惑、伦理矛盾和信仰危机。

其四是对文学批评新理念、新方法的探究与经典的当代诠释。文化的转型与写作现象的纷纭使得文学批评话语也在艰难地选择与转型。俄罗斯文学批评在重视自身文化传统和本土文论资源的同时，也在向世界学习。“新的哲学、新的语言”，批评的自觉与对话，文学的文化观念研究，这些报告就是在这样一种视域下诞生的。对经典作家和经典作品的研究重心不仅仅是社会的、道德的，已经呈现出多样化的局面，即使是不臻完善的批评也能开拓一个新的视角，给人以新的启示。

为便于读者阅读，论文集分别按俄文与中文两部分编排。受限于篇幅，文集不能完全容纳所有的大会报告，也不能充分代表当今中外俄罗斯文学研究的倾向与趋势。但呈现于读者面前的这些有限的研究成果已经表明俄罗斯文学研究在新世纪的悄然变化。这种变化的突出特点是：面对离散、多变、无中心的文学创作，文学研究也同样体现出“多元、多样、多变”的情状，而文化批评已经成为一种主导趋势，文学批评已经越来越明显地与多种学科勾连。新世纪俄罗斯文学的研究者也在转型：角色身份的、方法视角的、话语模式的……学术论文集说明，文学研究的任务

开始由社会转向个人，超拔的哲学视野、广阔的历史深情、深厚的文化精神成为新世纪文学研究者共同的学术追求。

这次大会云集了国内外 90 余名专家学者，来自俄罗斯、白俄罗斯、英国、以色列等国家和国内高校及科研部门的著名作家、评论家、报刊杂志主编、教授和中青年学者，一些因故未能与会的美国、乌克兰、中国（台湾）学者也为会议提供了书面报告。良好的同声传译等技术保障使得与会者理解充分，交流深入，对话热烈。学术会议又一次为在我国营造国际化的学术环境，拓展我国学者学术研究的国际视野，深化俄罗斯文学的研究起到了很好的作用。诚如一位与会的国内教授所言：“这是近年来一次罕见的、高水平的学术盛会。这次大会必将对中国未来俄罗斯文学在中国的译介、研究、教学产生重大的影响。”

森华

于北外西院

目 录

俄文论文

(Доклады на русском языке)

Есть ли сейчас литературный процесс?	Голубков М. М. 3
Кризис литературоцентризма в России ХХ1 века: теория и практика.....	Кондаков И. В 17
Новая драматургия 2000-х годов	Липовецкий М.Н. 35
Модернистские утопии и постмодернистские антиутопии в русской литературе конца ХХ-ХХ1 вв. (метафизический аспект)	Скоропанова И. С. 41
Будущее России в постмодернистских романах В.Сорокина, В.Пелевина, Д.Быкова и А.Проханова	Бондаренко В. Г. 53
Стратегии моделирования характера в русской постмодернистской прозе 2000- гг.	Мережинская А. Ю. 59
Современная русская драматургия в свете чеховских традиций	Ланда Т. 65
Лирический герой поэзии Тимура Кибирова	Кихней Л. 78
Новое время – новые герои: Поиск адекватных ценностей на российском экране	Ли Иннань (李英男) 83
Об историческом опыте трансформации русской культуры XIX века.....	Ху Сюесин (胡学星) 94

中文论文

(Доклады на китайском языке)

当下的俄国文学与我们.....	刘文飞	101
后苏联文学的新图谱与现代性精神价值	张建华	106
苏联文学形象再思考.....	夏忠宪	119
论当代俄罗斯现实主义小说.....	侯玮红	132
俄罗斯文学的灾难书写.....	刘亚丁	147
当今俄罗斯大众文学谈片.....	任光宣	153
试论当今中俄文坛的民族主义文化心态.....	董 晓	166
新的哲学, 新的语言		
——《俄罗斯后现代主义文学: 新哲学, 新语言》读后	王宗琥	176
2007 年俄罗斯文坛一瞥.....	何 芳	187
从《审讯桌》到《野猫精》		
——俄罗斯传统文化与当代文学.....	张 冰	201
试论彼特鲁舍夫斯卡娅戏剧创作的基本特点.....	潘月琴	216
维克多·佩列文和他的自由王国		
——后现代元素与民族文化底蕴的结合	赵 杨	230
一个俄罗斯新贵的现代神话		
——解析维克多·佩列文后现代主义小说《“百事”一代》 中的新神话思维	李新梅	248

维克多·佩列文创作中的后现代主义风格的复杂性探微	周小成	256
现实与虚拟之间		
——浅析长篇小说《不死的人》中的双重时空特征	王 盈	277
托尔斯塔娅的异想世界：文字符号的魔术	刘心华	287
俄罗斯文学界对后苏联文学中女性形象的研究	谢春艳	306
谈文学的文学		
——试析安德烈·比托夫的第一部长篇小说《普希金之家》	苗 澍	315
析柳·乌利茨卡娅《黑桃皇后》中的善恶主题	孙 超	330
理论定向与分类观照：现代西方文艺学方法论管窥	赵晓彬	340
文学文本的民族文化观念研究	杨秀杰	357
苏联解体以来俄罗斯的高尔基研究	汪介之	366
肖洛霍夫艺术世界文体结构之探		
——《静静的顿河》追寻的“非零和”社会模式	王先晋	376

俄文论文

(Доклады на русском языке)

Есть ли сейчас литературный процесс?

Голубков М. М.

(профессор МГУ, Москва, Россия)

摘要: 21 世纪俄罗斯文学的景象是纷乱的, 无系统的, 没有发展规律可循的。它不仅不同于苏联文学, 也与 20 世纪末后现代主义一度唱主角的文学相异, 以往的俄罗斯文学的发展规律完全不适用于当下的文学。随着文学中心主义文化时代的结束, 文学不再是表达民族意识、体现民族认同以及用以社会自省的一种意识形态, 而成为由市场引领的一个商业领域。文学创作变成了一种文学策划, 有限的“传统意义”上的作家的读者群也在减少。文学发展呈现出无序性、多变性、无目的性、可有可无性, 成为各种文学现象的堆砌。尽管多样化的文学中尚有思想与审美追求的巨大潜能, 但谁也无法预料, 哪一种偶然的文学现象能够成为未来文学的方向, 决定文学明天的发展进程。

关键词: 当代; 文学; 后现代主义; 进程

Современный литературный пейзаж представляет собой, если позволено будет обратиться к такой ландшафтной метафоре, бескрайнюю равнину, простирающуюся до самого горизонта, усеянную разнообразными литературными цветами – далеко не только цветами зла, как виделось адептам или же, наоборот, оппонентам русского постмодернизма. Напротив, разнообразие красок невероятное, устремленность к безднам зла

соседствует с традиционными для русской литературы поисками добра и красоты. Широка художественная палитра: здесь и традиционная реалистическая эстетика с поэтикой жизнеподобия, и многообразные опыты модернизма, практикующие формы условной образности, сдвиг, кривизну. Но поражает в этой картине одна ее особенность: почти полное отсутствие взаимосвязи между ее компонентами. Множественные литературные явления не складываются в систему.

Некие попытки самоорганизации литературы хотя бы по традиционному принципу, по группировкам, обозначены манифестами, творческими программами, сопутствующими текстами, отражающими эстетические самоопределения их немногочисленных членов. Часто декларируются некие тенденции, течения, школы современного литературного процесса. Таковы, например, медгерменевтика, необарокко, неоавангард, гипернатурализм, новый реализм, постреализм и многие другие, однако ни манифесты, ни творческие программы не оказывают воздействия на литературу, и об их существовании знают, в первую очередь, друзья и знакомые авторов: традиционные формы консолидации писательского сообщества по принципу идеологического и эстетического единства перестали играть заметную роль. И если литературный процесс предшествующих десятилетий описывался с точки зрения течений и направлений, то сейчас этот подход, как кажется, не вполне срабатывает: строго говоря, нет четко обозначившихся направлений и течений. Они утратили номинативную функцию и не определяют ничего. И если все же поддаться инерции выстраивать их парадигматику,

то как много их ни выделять и как мудрено ни называть, это не подвигает, как нам кажется, в нынешней ситуации к постижению закономерностей литературного движения.

Необозримый и неосмысленный пока литературный ландшафт контрастирует не только с пейзажем советского времени, но и с тем, что наблюдался в конце XX столетия, когда постмодернисты, подвергнув тотальной деконструкции художественный опыт последних двух столетий, выстроили свою четкую парадигму, имевшую иерархию литературных ценностей, целей и писательских репутаций. Сейчас эта парадигма тоже в прошлом, ибо постмодернизм, по нашему глубокому убеждению, завершил круг своего развития, и его конец обозначен достаточно явно – романом Т.Толстой «Кысь»^①. Увидевший свет в 2000 году, последнем году XX века, этот роман закрыл предшествующий период, разрушив принципы постмодернистской эстетики ее же собственными приемами, т.е. изнутри самого постмодернизма, но вовсе не обозначил начало нового.

В современной литературе работает множество писателей, разобщенных, атомизированных, связанных с собратьями по перу лишь личными отношениями симпатии или антипатии, часто не знающих и, что характерно, не желающих знать о

① Во избежание повторов адресуем читателя к статьям, в которых автор настоящего доклада уже пытался осмыслить роль романа Татьяны Толстой как текста, разрушающего эстетику постмодернизма изнутри – приемами самого постмодернизма: «Русский постмодернизм: начала и концы» // Литературная учеба, 2003, № 6; «Завершенная эстетика: сорок лет русского постмодернизма» // *Slavia orientalis* (Краков), том LIV, NR 2, ROK 2005.

факте литературного существования своего ближайшего соседа по необозримой литературной равнине. Их художественное самосознание характеризуется узостью социальных да и личных связей, эстетической глухотой в отношении к творчеству другого, равнодушием к общему литературному процессу, фатальным ощущением его отсутствия или неважности для себя. Нежеланием читать других и обидой на то, что не читают их. В писательской среде стало модным объяснять невнимание к перу другого страхом сбиться с собственной «ноты», нарушить свою мелодию присутствием чужого ритма.

Почва для этой пестрой и разнообразной литературной среды возделывается множеством крупных и мелких издательств, выпускающих тысячи книг и публикующих сотни писателей, имена которых так и остаются неизвестными. Таким образом, наблюдателя, который взял бы на себя труд взглянуть в литературную панораму повнимательнее, поразили бы, во-первых, ее необозримость и многообразие красок; во-вторых, хаотичность, случайность, отсутствие логики и видимой закономерности развития. Эти два обстоятельства ставят под вопрос саму возможность выстраивания парадигм современного литературного процесса – т.е. заставляют усомниться в правомерности темы нашего выступления. Литература начала XXI века предстает как явление, не организовавшееся в систему. Такое ее состояние наводит на мысль о неких принципиальных изменениях в современной культурной ситуации в целом.

В понятиях структурной антропологии Леви-Строса присутствует дихотомия «холодной» и «горячей» культуры. В

парадигме их противопоставлений есть оппозиция вертикали и плоскости. В «холодной» культуре, застывшей, ориентированной на классику, сформировавшей свой идеал и стремящейся к его оттачиванию и воспроизведению классического образца, существуют вершины, пики, воплощающие незыблемые ценности, в том числе и художественные, литературные. Напротив, «горячая» культура, обладающая большим творческим потенциалом, находится в развитии, отрицает канон, стремится к вариативности и многообразию, а потому не знает вершин, располагается на плоскости, стремясь не к утверждению классического образца, но, наоборот, всячески отрицая его. Горячая культура полицентрична, каждый ее узел, вокруг которого группируются те или иные литературные явления, самоценен. В сущности, она не имеет центра и периферии. Современный литературный ландшафт ближе, скорее, к этому варианту. Разумеется, соблазн отнести нынешнюю культуру к «горячей» очень велик, но воздержимся пока...

«Горячей» культура является тогда, когда ее потенциал востребован, т.е. когда общество нуждается в ее открытиях, а искусство в целом и литература в частности оказывается значимым фактором общественного сознания. «Горячее» состояние не может быть следствием лишь процессов и явлений, имманентных литературе, но оказывается результатом национальной жизни в целом, ответом на общественные потребности. Нынешнее состояние литературы, когда общество не знает и не видит ее, вряд ли может соответствовать «горячей» стадии. Напротив, многообразие литературных красок не

востребовано: как довелось услышать автору этого доклада в редакции одного из «толстых» журналов: «Писателей-то полно. Читателей мало».

В сущности, утрата традиционного для нас еще с петровского времени литературоцентризма произошла невероятно быстро. Описывая подобные по своей молниеносности процессы, Ю.Лотман говорил о взрыве, рассматривая его как результат накопления культурой творческого потенциала, который в короткое время реализуется в национально значимых художественных явлениях.

В конце 1980-х–в 1990-е годы русская литература действительно пережила взрыв, – именно так и могут быть осмыслены те несколько лет, когда фактом общественного сознания стали «задержанные» произведения. В очень короткое время, «спрессовавшее» под высоким давлением семь советских десятилетий, диаспору и метрополию, несколько столиц русского рассеяния, произошло накопление критической массы, что и обусловило последующий культурный взрыв, только эффект его был не совсем тот, о котором размышлял Лотман. Этот взрыв, соединяя и хаотически перемешивая несовместимое, создал питательную среду для постмодернистского релятивизма. Его результатом явилось господство постмодерна как главенствующей эстетики и философии русской литературы 1990-х годов, целью которой было не созидание, но тотальная деконструкция не только литературы, но и базисных принципов национального сознания.

И взрыв рубежа 80–90-х годов, и последовавшее десятилетие постмодернистской деконструкции привели к нынешней ситуации. Литература первых лет нового века выглядит крайне

противоречиво: с одной стороны, она значительно расширила эстетический арсенал; с другой стороны, почти полностью утратила прежний высокий статус в культурной иерархии.

Изменение культурного статуса литературы привело к потере важнейшей ее функции: формирования национального сознания, рефлексии о национальной судьбе, поисков места страны в современном мире. Литература почти перестала быть идеологической сферой, формирующей национальную идентичность, перестала быть формой общественной саморефлексии, потому что общество утратило способность и потребность мыслить о себе языком литературы. И виновата не словесность, не художник, который больше не хочет быть «зрячим посохом», но объявляет себя беллетристом, а общество, распавшееся на первичные элементы и утратившее потребность (или способность?) к саморефлексии и самоидентификации – не только посредством литературы, но и других сфер общественного сознания. Ведь судьба Солженицына – яркий пример невостребованности пророка и интеллектуальной анемии не только читателя, но и критика, а часто и литературоведа, автоматически повторяющего штампы о превосходстве «ранних рассказов» над всем написанным позже, которые лишь скрывают профессиональное неумение прочесть «Красное Колесо». Слишком сложный текст, не по зубам нынешнему читателю. А читатель – это и есть представитель общества, притом лучшей, думающей его части.

Литература стремительно обретает новые функции в контексте культуры. Раз общество не хочет видеть в писателе